

Анна
ЛЕРОВА

NO RULES
NO LIMITS

LIVE FAST
LOVE HARD

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Зимний ПРИСЛУЖИВАЙ

Анна Лерова

Циничный. Прислуживай

«Автор»

2026

Лерова А.

Циничный. Прислуживай / А. Лерова — «Автор», 2026

— Хочу Маргариту.— Двести пятьдесят или четыреста миллилитров?— Ты не поняла, — он выразительно глянул на бейджик с моим именем. — Я хочу, чтобы ты села мне на колени. И чем быстрее ты это сделаешь, тем лучше для тебя. За три года работы в клубе я видела всякое. Но такого наглого ублюдка — впервые. Теперь, получив отказ, этот псих приходит в каждую мою смену. Преследует, словно нашёл новую забаву. Только он не знает, что я уже три года стою на ногах, хотя мир рухнул, свалив на меня долги, младшую сестру и больную мать. Но я не падаю. И перед золотым мальчиком прогибаться не стану. Даже если придётся просить у него помощи и стать его рабыней в расплату. Даже если он сам узнает, что такое настоящая зависимость.

© Лерова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Текила	5
Глава 2. Шот	8
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Циничный. Прислуживай

Глава 1. Текила

— Два шота и Дайкири, — наклонился к барной стойке молодой парень, перекрикивая громкую музыку.

— Шоты какие? — Перекрикиваю, наклоняясь к нему ближе.

— Хиросима. Две штуки, — отвечает, протягивая карту. Провожу оплату и начинаю готовить коктейль. Всё делаю быстро, уже на автомате. Всё-таки уже не первый день работаю барменом.

К бару подходит ещё несколько девушек. Ставлю на барную стойку их виски-колу, стараясь отодвинуть стаканы подальше от танцующих на ней девчонок гоу-гоу.

Пока выдается небольшая передышка, начинаю натирать бокалы, подтанцовывая в такт битам. Взгляд бродит по залу, смотря на всех и ни на кого одновременно. Диджей заводит толпу, несколько накаченных парней – заказные танцоры на сегодняшнюю ночь — танцуют на сцене с обнаженным торсом.

— Текилы, — небрежно произносит парень, пристально пожирая меня глазами. Надо же, ему даже кричать не пришлось. — Пять шотов.

Беру чистый шот, нанизываю дольку лайма, чтобы обмазать край соком и окунуть в соль, но гость качает головой и пальцем подзывает меня подойти и наклониться к нему.

Что, блин, не так? Сам же текилу просил...

— Хочу особую подачу, — он настолько близко к моему уху, что горячее дыхание обожгло кожу.

Бросаю на него быстрый взгляд, оценивая внешний вид. А то знаю я таких. Сначала просят за дополнительную плату шоу, а потом оказывается, что у них денег нет расплатиться.

Белоснежная футболка на пару с серой объёмной кофтой на замке выглядели новыми, будто только перед клубом из торгового центра вышел. Темно-русые волосы хаотично разбросаны по макушке, прямой нос, хмурые брови и складка между ними. Серебристая цепь на его шее мне ничего о нем не говорит, а вот часы на запястье – да. У него определенно есть чем расплатиться за шоу.

Тонкие губы кривятся в наглой, ленивой усмешке. Заметил-таки, что я его осматриваю.

— Только оплата сразу, — парень кивает и протягивает карту клуба. Тянусь к черному пластику, но он не сразу его отпускает.словно играет со мной.

Вот же самоуверенный придурок. Закатываю глаза, провожу оплату и стучу пальцем по ноге Ангелины, что танцует рядом.

Ангелина — девушка с бесконечными ногами и таким же бесконечным терпением — тут же спрыгивает и одним привычным движением, отработанным за сотни смен, садится на стойку, собираясь лечь на прохладный пластик, чтобы я могла выложить тонкую полоску соли на её плоском животе и положить туда же дольку лайма.

Но в этот раз парень выгибает бровь. Одну, затем вторую, и отрицательно качает головой, причём с таким видом, будто мы должны прочесть его мысли раньше, чем он раскроет рот.

— Ненене, — произносит он, лениво растягивая слоги, и пальцем отгоняет Ангелину, как назойливую муху. — Без неё. Давай сама.

Я замираю с шейкером в руке, не сразу понимая смысл его слов. Но смысл доходит с глухой, вязкой волной непонимания и даже какой-то растерянной брезгливости. В смысле сама? Я же не гоу-гоу, я за стойкой, и моя работа смешивать, а не участвовать в шоу.

— Хочу слизать с твоей кожи, — поясняет он, не отводя взгляда, и в его глазах — серых, почти стальных при этом тусклом свете — нет и тени смущения или шутики.

Я просто стою и смотрю на него. За все годы работы барменом в этом клубе мне предлагали многое: отсосать прямо за стойкой, переспать после смены, станцевать стриптиз (за отдельную плату), переписать номер телефона на салфетке и даже выйти замуж (правда, это было под утро, когда градус в крови бедолаги превышал разумный предел).

Но чтобы какой-то мажор захотел лизнуть соль именно с моей кожи — это впервые. Абсолютный, стопроцентный рекорд извращения, который я даже не знала, куда записать.

— Я бармен, а не гоу-гоу, — выдавливаю, стараясь, чтобы голос звучал ровно и спокойно, хотя внутри всё передёргивает от отвращения, что этот тип будет прикасаться ко мне языком. Даже несмотря на то, что он примерно мой ровесник и то, что он очень даже симпатичный — всё равно это отвратительно.

Он не спорит. Вместо этого поднимает свою ладонь, разворачивая её тыльной стороной к потолку, и медленно, почти демонстративно тычет пальцем левой руки в перепонку между большим и указательным. Туда, где кожа тонкая, чувствительная и, как он, видимо, считает, достаточно «безопасная» для такого рода сделки. Мол, не раздеваться же тебя заставляю, только руку протяни.

Понятно. Не дождёшься.

Я молча ставлю перед ним шоты с алкоголем, аккуратно кладу рядом дольки лайма на блюде и бутылочку сангриты, которую он не заказывал, но которая, по моему опыту, часто нужна таким привередам. Затем разворачиваюсь к следующему гостю — высокой блондинке в леопардовом платье, что уже несколько минут нетерпеливо переминается с ноги на ногу, — и, перекрикивая басы, выпавшие из колонок в очередной залихватский дроп, спрашиваю, что ей налить.

Пока я отмеряю джин для её тоника и украшаю стакан долькой грейпфрута, краем глаза чувствую на себе его тяжелый, неотрывный взгляд. Он даже к текиле не притронулся, паразит. Если она станет тёплой, то пить её будет невозможно, несмотря на то, что она выдержанная, качественная.

Сидит, откинувшись на высокий стул, постукивает пальцами по стойке и смотрит. На мои пальцы, перебирающие бутылки. На шею, когда я поворачиваюсь за лимоном. На прядь медно-коричневых волос, что выбилась из моего небрежного пучка и теперь лезет в глаза, мешая нормально работать.

Я сдуваю её привычным жестом без задней мысли, и в этот же момент замечаю, как его губы складываются в ленивую, плотоядную улыбку.

Закончив с блондинкой и приняв заказ от двух подруг в одинаковых розовых топах, я поворачиваюсь обратно к нему. Скрещиваю руки на груди.

— Хотите ещё сделать заказ? — мой голос звучит уже не вежливо-угодительно, как нам и положено общаться с гостями, а прямо-таки враждебно. Ненавижу таких придурков.

Он медленно, очень медленно наклоняет голову набок. Про себя подмечаю, что так иногда делают хищники, когда выслеживают добычу, уже зная, что она никуда не денется.

— Ты не выполнила ещё мой предыдущий, — его, кажется, ничуть не смутила смена моего настроения. — За который я, между прочим, заплатил.

Вот же... чёрт. Вызвать бы сейчас Мишу с Алексеем, чтоб выпроводили его отсюда, но ведь не за что. Он не буянит, не обзывается. Ведет себя спокойно, можно даже сказать адекватно. Приносит клубу деньги. Ну и что, что очередной извращуга. Деньги в касу несёт и на ногах стоит, руки не распускает - значит точно не выкинут.

— Что ж, — произносит он наконец, выдерживая паузу ровно настолько, чтобы она стала неловкой, — если ты набиваешь себе цену...

Он протягивает руку. Между указательным и средним пальцами, почти небрежно, как сдачу на чай, зажаты три пятитысячные купюры. Новенькие, хрустящие, с красноватым отливом.

Пятнадцать тысяч.

За то, чтобы лизнуть с моей руки.

Смотрю на деньги, потом на его серые глаза, в которых сейчас нет ничего, кроме скучающего ожидания и уверенности, что у меня не хватит духу отказаться. Потому что у всех не хватает. Потому что пятнадцать тысяч — это мамины таблетки на месяц вперёд и новая форма для сестры, в которой не стыдно ходить на учёбу. Это почти два коммунальных платежа или платеж по кредиту, который дамокловым мечом висит после смерти отца.

Вдруг слышу, как сердце стучит где-то в горле, в висках, в кончиках пальцев, которые начинают дрожать, и я сжимаю их в кулак, чтобы он не заметил.

Он не убирает руку. Ждёт.

Весь клуб гудит, веселится, живёт своей жизнью, а я стою напротив парня с деньгами между пальцев и думаю о том, что если сейчас возьму их — то стану не просто барменом, которой удалось развести богатого придурка. Я стану той, кто продал маленький кусочек себя.

Но если не возьму, то потеряю деньги, которые и так достаются мне непросто. И завтра мне придётся выслушивать её тихий, полный стыда и вины плач, когда она будет говорить, что я не должна из-за неё жертвовать собой.

Пауза затягивается. Парень усмехается краем рта, чувствуя моё замешательство, и чуть шевелит пальцами, поигрывая купюрами.

Глава 2. Шот

Насколько бы мне тяжело ни было, но я с сожалением отмечаю, что не хочу опускаться до такого.

такого. Именно по этой причине я и не согласилась на вакансию танцовщицы гоу-гоу. У них чаевые гораздо больше, чем за баром, но танцевать в откровенных нарядах, ловить на себе похотливые взгляды и позволять пьяным незнакомцам прикасаться ко мне — не то, после чего у меня останется уважение к себе.

Поэтому смотрю на парня перед собой в упор ещё несколько секунд, чувствуя, как время растягивается, а после просто отступаю в противоположную сторону. Туда, где Миша, один из моих напарников по смене, сосредоточенно растирает мяту в ступке, готовя кому-то мохито.

— Ты сможешь произвести возврат? — выкрикиваю, почти касаясь губами его серьги в ухе.

Миша, не отрываясь от своего занятия, только поворачивает ко мне голову. В его глазах видится привычная усталость человека, который видел в этом баре всё, что только можно.

— А что случилось? — он продолжает ритмично давить пестиком. Мята выделяет сок, заставляя меня вдохнуть свежий, травянистый запах, который хоть немного, но перебивает запах пота и перегара.

— Вон тот парень, — я киваю через плечо в сторону Глеба, стараясь не смотреть на него прямо, — захотел особую подачу, но передумал.

Миша на секунду замирает, потом опускает пестик, вытирает руки о тряпку и качает головой, хмурясь.

— Не, мы по таким случаям не проводим возврат. Ты же знаешь, — да, железное правило: алкоголь, отпущенный с барной стойки, обратно не принимают, независимо от того, пил его гость или нет. — Касса в конце смены не сойдётся, Викторевна скандал устроит. Тебе оно надо?

Мне и не надо. Мне вообще ничего из этого не надо, но кто же знал, кукую именно он потребует подачу.

Смотрю на Мишу, потом снова в зал, где парень всё так же сидит, небрежно кинув купюры на стойку. Где-то в груди поднимается глухая, вязкая злость. Не на него даже, а на ситуацию, в которой я не могу просто взять и послать его куда подальше, потому что этот посыл обойдётся мне в штраф из моей сменной выручки.

— Я-то знаю, — отвечаю и, чуть помедлив, добавляю, стараясь, чтобы голос звучал как можно непринужденнее. — Но ты можешь ему сам объяснить?

Миша переводит взгляд на парня. Изучает его несколько секунд, потом тяжело вздыхает, так глубоко, что я вижу, как поднимаются его грудная клетка. Ему, понятное дело, не больше моего нравится объяснять что-то пьяным или, что ещё хуже, трезвым и настойчивым посетителям, которые привыкли, что им угождают. Но, отдать ему должное, он не спорит. Просто молча меняется со мной местами.

Я киваю, и в ту же секунду вливаюсь в бесконечный поток заказов на его месте: справа кто-то требует «Кровавую Мэри», слева — три шота с горячей корицей, из угла бара машет рукой девушка, которой я уже дважды обещала принести сок. Руки действуют на автомате. Перебирают бутылки, срывают колпачки, отмеряют миллилитры.

Достаю из-под стойки новую упаковку сока, и в этот момент чувствую на себе его взгляд, который вцепился и как клещ не отпускает. Прожигает. Выпивает свои пять шотов даже не поморщившись, все так же не отрывая взгляда. Поставив на стойку последний пустой шот — он встает со стула.

Слава богам этот тип уходит. И, надеюсь, больше не подойдет. Миша наклоняется к другой девушке, и кивнув, отправляется к холодильнику позади меня. Как раз в этот момент я его

и перехватываю, чтобы точно подтвердить что всё нормально. Как оказалось, этот тип сам не захотел делать возврат.

— За пятнашку я б согласился, не знаю че ты отказалась, — напарник берет новую порцию льда и отходит, а я вся покрываюсь испариной от его слов.

Через час я ушла на заслуженный перерыв.

Выскользнула из-за стойки, на ходу расстегивая белую бабочку, которая к концу смены всегда начинает душить, и направилась к служебному выходу. Там, в тихой, крошечной комнатке без окон можно было перевести дух. Я прислонилась спиной к холодной стене, закрыла глаза и попыталась вытряхнуть из головы образ парня с серыми глазами.

Не получалось.

Он был лишь одним из многих. За три с лишним года я обслужила сотни, если не тысячи таких: самоуверенных, наглых, уверенных в своей неотразимости и кошельке. Некоторые предлагали деньги. Некоторые — себя. Некоторые вели себя хуже животных. Я научилась пропускать их мимо сознания, как воду сквозь сито. Зашло в одно ухо, вылетело в другое.

Так почему же этот задержался?

Почему я до сих пор чувствую на коже его дыхание, когда он наклонялся к моему уху? Почему перед глазами стоит его рука с зажатыми купюрами? Почему сердце до сих пор колотится всякий раз, когда я вспоминаю эти холодные, стальные глаза, с какой-то пугающей, гипнотизирующей искрой на дне?

Я открыла глаза и уставилась в потолок подсобки. Ответ пришёл не сразу, но когда пришёл — я внутренне сжалась.

Не он меня задел. Я сама.

Потому что на секунду — всего на одну жалкую, слабую секунду — я хотела взять эти деньги. Я представила, как протягиваю руку, как его губы касаются моей кожи, и как я потом иду в аптеку, оплачиваю мамины таблетки и покупаю Ленке новую форму. Я представила это так ярко, так отчаянно, что меня затошнило.

Я хотела продаться. И это знание разъедало меня изнутри сильнее, чем любые его слова.

«Но ты же не взяла», — прошептал внутренний голос. «Ты отказалась. Ты ушла».

Да. Но осадок остался. Грязный, липкий, как пролитый сироп на барной стойке, который не вытираешь до конца. И если этот парень придёт снова, то я не знала, хватит ли у меня сил отказаться во второй раз. И от этого на душе очень тошно.

Я посмотрела на свои часы. Перерыв заканчивался.

Выдохнула, застегнула бабочку, поправила волосы и вышла обратно в зал.

Музыка ударила в уши мгновенно, как горячая волна. Басы завибрировали в грудной клетке, заставляя сердце биться в такт. Светомузыка резала глаза после полутьмы подсобки. Я сделала шаг в сторону барной стойки, уже привычно вливаясь в ритм ночи, как вдруг передо мной выросла фигура Елены Викторовны.

Администратор клуба — женщина лет сорока пяти с вечно собранными в пучок волосами и острым взглядом, который видел всё и вся. Она даже не смотрела на меня, когда заговорила, зато что-то отмечала в своём планшете быстрыми, нервными тычками.

— Рита, сходи, пожалуйста, в випку, нужно принять заказ.

Я остановилась, не веря своим ушам.

— Что? Почему я? — возмущение поднялось изнутри горячей волной. — Вот Данила отправьте, он новенький, ему полезно будет.

— Именно потому, что он новенький, — Елена Викторовна подняла на меня глаза, — я его и не отправлю. Кира заболела. Кого мне ещё просить? Девчонки-официантки не справляются, у них по четыре стола на каждую. У вас за баром полный комплект, вас четверо.

— А почему с другой смены не вызвали официантов? — не сдавалась я, хотя уже подсознательно знала ответ. Все равно я пойду и сделаю как она велит, но сдастся без боя мне не позволяет моя совесть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.